

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2025, Том 4, № 4 / 2025, Vol. 4, Iss. 4 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)

УДК 821.161.1

Мотив идейного безумия в повести М.А. Булгакова «Роковые яйца»

¹Муртазалиева Е.А., ¹Нурмагомедова Р.О.,
¹Дагестанский государственный университет

Аннотация: статья посвящена анализу феномена «идейного безумия» в повести М. Булгакова «Роковые яйца» как ключевой метафоры опасности научного фанатизма и технократической утопии. В центре исследования – трагические судьбы профессора Персикова и Александра Рокка, чья одержимость знанием и властью над природой приводит к апокалиптической катастрофе. Через анализ символики красного луча, зооморфных образов и библейских иллюзий демонстрируется, что безумие героев – не психическая аномалия, а следствие разрыва между научным прогрессом и духовной ответственностью. Статья доказывает, что гибель Персикова – не просто расплата за личные ошибки, а притча о том, что технократия, отвергающая гуманизм ведёт к самоуничтожению.

Работа подчёркивает актуальность булгаковского предупреждения: любое открытие, лишенное нравственных ориентиров, несёт в себе семя апокалипсиса.

Ключевые слова: идеологическое безумие, научный фанатизм, научная этика, ответственность, М.А. Булгаков

Для цитирования: Муртазалиева Е.А., Нурмагомедова Р.О. Мотив идейного безумия в повести М.А. Булгакова «Роковые яйца» // Филологический вестник. 2025. Том 4. № 4. С. 15 – 19.

Поступила в редакцию: 4 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 3 июня 2025 г.; Принята к публикации: 24 июля 2025 г.

The motive of ideological madness in M.A. Bulgakov's novel "Fatal Eggs"

¹Murtazalieva E.A., ¹Nurmagomedova R.O.,
¹Dagestan State University

Abstract: the article is devoted to the analysis of the phenomenon of "ideological madness" in Mikhail Bulgakov's novel "Fatal Eggs" as a key metaphor for the danger of scientific fanaticism and technocratic utopia. The study focuses on the tragic fates of Professor Persikov and Alexander Rokk, whose obsession with knowledge and power over nature leads to an apocalyptic catastrophe. Through the analysis of the symbolism of the red ray, zoomorphic images and biblical illusions, it is demonstrated that the madness of the heroes is not a mental anomaly, but a consequence of the gap between scientific progress and spiritual responsibility. The article proves that Persikov's death is not just payback for personal mistakes, but a parable that a technocracy that rejects humanism leads to self-destruction.

The work highlights the relevance of Bulgakov's warning: any discovery devoid of moral guidelines carries the seed of the apocalypse.

Keywords: ideological madness, scientific fanaticism, scientific ethics, responsibility, M.A. Bulgakov

For citation: Murtazalieva E.A., Nurmagomedova R.O. The motive of ideological madness in M.A. Bulgakov's novel "Fatal Eggs". Philological Bulletin. 2025. 4 (4). P. 15 – 19.

The article was submitted: April 4, 2025; Approved after reviewing: June 3, 2025; Accepted for publication: July 24, 2025.

Введение

1920-е годы стали временем расцвета фантастической прозы, обогащённой сатирой и гротеском. В этот период М.А. Булгаков создаёт свои знаковые повести – «Дьяволиада», «Роковые яйца» и «Собачье сердце», где реальность переплется с вымыслом. Однако по мнению Л.П. Рымаревой, Булгакова нельзя причислить к адептам научной фантастики. Фантастическое в его текстах – не самоцель, а «художественный приём», позволяющий гиперболизировать проблемы современности.

Немецкий исследователь Петер Рольберг в своих работах обращает внимание на особенность советской сатиры: протест писателей против насильственного вмешательства в естественный ход развития общества и личности часто выражался через «зооморфные аллегории». В отличие от классической традиции, где животное олицетворяло гуманность, у авторов этой эпохи оно становится символом социального регресса. Что мы и наблюдаем в «Роковых яйцах»

Писатель помещает «гениальные открытия» (вроде шариковского эксперимента или «красного луча» Персикова) в узнаваемые реалии советской Москвы, создавая эффект тревожной достоверности. Таким образом, он не предсказывает будущее, а обнажает риски утопических проектов своей эпохи – будь то революционное переустройство мира или слепая вера в науку.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужила повесть М.А. Булгакова «Роковые яйца». Для исследования применялись следующие методы: биографические, культурно-исторические, сравнительно-исторические, системно-структурные методы.

Результаты и обсуждения

Повесть Михаила Булгакова «Роковые яйца» (1924), написанная в жанре сатирической фантастики, остается актуальной притчей о границах научного прогресса и опасности идеологического фанатизма. В центре сюжета – гениальный профессор Владимир Персиков, открывающий таинственный «красный луч», способный ускорять развитие живых организмов. Его открытие, попав в руки невежественного бюрократа Александра Рокка, оборачивается необратимой катастрофой: вместо восстановления поголовья кур луч случайно выращивает гигантских рептилий, грозящих уничтожить страну.

Булгаков продолжает традицию романтического осмысливания гениальности, но вносит в неё ироничный поворот. Профессор Персиков как герой – избранник, наделённый сакральным знанием, во-

площает архетип учёного-творца, чей интеллект граничит с одержимостью. В отличие от романтических гениев, чья исключительность возвышала их над толпой, Персиков становится жертвой собственного дара: его гениальность оборачивается разрушительной силой и хаосом.

Безумие Персикова не связано с психическим расстройством, оно проявляется в отрыве от реальности и игнорировании этических норм. Персиков добровольно заточает в себя в кабинете. Булгаков подчёркивает: «...он уже не принадлежал себе... Он принадлежаллучу» [1].

Булгаков создает образ учёного, чья исключительность становится «укором» советской действительности. Персиков с его образованностью, нестандартным мышлением и фанатичной преданностью зоологии, резко контрастирует с окружающими людьми, которые поглощены бытовой суетой. Для героя реальность обретает смысл лишь тогда, когда пересекается с наукой. Даже личная трагедия (разрыв с женой) не волнует его так, как смерть подопытной суринамской жабы. Патологическая преданность Персикова науке становится причиной его отчуждения от общества. Сторож Панкрат с тревогой наблюдает за странными ритуалами учёного (ночные бдения у микроскопа, монологи с лягушками), воспринимая их как признаки ненормальности. Слушатели лекции, восхищаясь научными открытиями Персикова, все же снисходительно именуют его «чудаком»

Булгаков, мастер гротеска и аллегории, создает многогранную метафору «идейного безумия» – слепой веры в силу науки или государственной идеологии, лишенной нравственных ориентиров. Эта тема становится ключевой для понимания повести: и профессор Персиков, погруженный в научный азарт, и Рокк, слепо следующий директивам, становятся жертвами собственного фанатизма. Их действия, мотивированные благими целями (прорыв в биологии, решение продовольственного кризиса), приводят к хаосу, обнажая абсурдность попыток «ускорить» природу или историю.

Замысел булгаковской повести «Роковые яйца» наследует ключевые мотивы гётеевской трагедии «Фауст», трансформируя их в контекст научно-социальной утопии XX века. Если у Гёте «сделка с дьяволом» становится метафорой вечного стремления человека к запредельному знанию, то Булгаков заменяет мистический пакт на «сделку с наукой», обнажая риски технократического фанатизма. У Гёте Фауст, подобно Адаму, «вкусает плод» запретного знания, вступая в договор с Мefистофелем. Этот «мотив испытания» структури-

ирует сюжет: герой проходит через соблазны власти, любви и славы, чтобы обрести истину.

У Булгакова «испытанию» подвергается не отдельный человек, а «человечество», допустившее тотальную деструкцию социальных и нравственных устоев. В Библии змей-искуситель становится причиной грехопадения. В «Роковых яйцах» гигантские рептилии, порождённые экспериментом Персикова, – это материализованное возмездие за попытку переиграть природу. Неслучайно Булгаков выбирает змей, а не иных существ: аллюзия на библейского Змия.

Если Фауст жаждет объять необъятное: «Я всё познать хочу, всю сущность я постигнуть жажду» [2], то Персиков, открывая «красный луч», руководствуется не духовным поиском, а одержимостью фактом. Его девиз – «Меня интересует факт, а не его последствия!» [4] – пародирует фаустовский максимализм, сводя возвышенный порыв к технократическому цинизму. Фауст у Гёте спасается через раскаяние, тогда как Персиков гибнет под ножами толпы, не успев осознать своей роли в катастрофе. Булгаков отказывает герою в праве на искупление, подчёркивая, что в эпоху массовых утопий ошибка гения становится приговором для всех. Если Фауст одинок в своём выборе, то катастрофа в «Роковых яйцах» – результат соучастия системы (Рокк), науки (Персикова) и общества (толпа, слепо верящая пропаганде).

Повесть Булгакова – предостережение: в мире, где знание стало инструментом идеологии, а гении служат системе, «сделка с дьяволом» перестаёт быть метафорой. Она превращается в реальность, где цена прогресса – апокалипсис.

М. Булгаков, вслед за Гёте, вплетает в сюжет «Роковых яиц» мотив инфернального вмешательства, однако заменяет классического Мефистофеля на фигуру советского чиновника – Александра Семёновича Рокка. Этот персонаж, чья фамилия (созвучная слову «рок») вынесена в заглавие повести, становится воплощением дьявольского начала, маскирующегося под бюрократическую рациональность. Если у Гёте дьявол действует через магию, то Рокк – через административные приказы. Как отмечает исследовательница В. Химич, тема дьявольщины в повести подкрепляется и языковыми маркерами: «Кур твоих испортили», «кур кто-то закодировал», «Господь прогневался» [3].

Если Фауст заключает личный договор с Мефистофелем, то в «Роковых яйцах» «сделку» с тёмными силами заключает вся система – от учёного-одиночки до партийных функционеров.

Булгаковский «дьявол» не нуждается в магии – ему достаточно слепой веры в инструкции и жажды сиюминутных результатов. Рокк, как пародия

на советского «сверхчеловека», обнажает главную мысль повести: истинное зло рождается не в потусторонних безднах, а в кабинетах чиновников, где наука становится орудием роковых ошибок.

Мотив безумия в произведении «Роковые яйца» реализуется и сквозь призму средневековых христианских представлений о демонах и одержимости. Следуя за литераторами XIX столетия, автор ставит экзистенциальный вопрос: «Что есть безумие гения – благо или проклятие?» Помешанный гений, по Булгакову, перечёркивает нормы морали – его сознание, разорвав путы земных законов, парит в иных измерениях, где единственной ценностью становится жажда познания. Дар прорицателя, открывающего тайные истины, оборачивается трагическим раздвоением: обретая доступ к сакральному знанию, безумец-творец теряет связь с человеческим в себе.

С позиции нравственности и гуманизма Персиков предстает человеком, лишенным эмпатии и сочувствия. Смерть сторожа Власа и гибель лабораторных жаб воспринимается им одинаково «Непосредственно вслед за жабами переселился в лучший мир...» [2]. Это демонстрирует равнодушные учёного, для которого человеческая жизнь становится статистической величиной. Осознание утраты приходит к Персикову лишь через призму последствий, произошедших из-за отсутствия сторожа на работе: гибель подопытных животных от холода вызывает не к состраданию, а к досаде за нарушение экспериментальных процессов. Даже скорбь о супруге растворяется в тревоге за исчезновение красного луча.

За такое открытие в науке Персикову приходится заплатить высокую цену. Он будто обменивает свою душу на знания, которые необходимы для научного прогресса. Для Булгакова это катастрофа. Знание бездуховного человека приравнивается им к дьявольскому, а человек, который обладает подобным знанием, одержим бесами. Этот научный эксперимент превращает героя в безжалостного и бездушного монстра, животного: «Заглянул в микроскоп, радостно и как бы хищно ослабился» [1].

Чем больше Персиков сосредотачивается на красном лuce, тем более мертвоподобным он становится: «Отвалив спинку винтишегося кресла, Персиков в изнеможении курил и сквозь полосы дыма смотрел мертвыми от усталости, но довольными глазами в приоткрытую дверь камеры, где, чуть-чуть подогревая и без того душный и нечистый воздух в кабинете, тихо лежал красный сноп луча» [6].

Эксперимент с лягушкой обнажает роковую уязвимость гения: Персиков, открывший дверь в запретную зону естествознания, сам становится

заложником сил, превосходящих его рациональный контроль. Лабораторный хаос, едва не стоивший жизни Панкрату, трактуется сотрудниками института не как предостережение, а как триумф науки. Ассистент Иванов, воплощающий слепую веру в научный прогресс, продолжает славить «прозорливость» профессора.

Интересно, что параллельно с желанием Персикова сделать прорыв в науке, эволюционирует и красный луч – из безобидной «иголки» он трансформируется в «...как в аду мерцал малиновый, разбухший в стеклах луч» [10]. Булгаковская критика советского социума в «Роковых яйцах» реализуется через двойственную призму: с одной стороны, учёный-одиночка, одержимый зоологией, с другой – тоталитарная система, превращающая знание в инструмент идеологического насилия. Профессор Персиков, воплощающий концепцию «чистой науки», демонстрирует роковую аполитичность – его открытия, лишённые этической рефлексии, становятся оружием в руках власти. Однако истинный объект сатиры – не индивидуум, а система, где государственный механизим подменяет собой гуманитарные ценности.

Государство культивирует не компетенции, но лояльность – ключевым становится не качество открытий, а их соответствие политике партии. Эксперимент с красным лучом, изначально сугубо теоретический, моментально реализуется властью в утопический проект «ускоренного строительства коммунизма», что обнажает инструментализацию науки.

Журналисты в булгаковской повести – Альфред Бронский и сотрудник «Вестника промышленности» – воплощают архетип бесов: «Это какие-то черти, а не люди» [1]. Дьявольские черты этих героев отражаются и в портретной характеристике: «...ни секунды не глядящие в глаза собеседнику агатовые глазки»; «ботинки с носами, похожими на копыта»; левая его, механическая, нога щелкала и громыхала» [1].

Копытообразные ботинки – отсылка к традиционным атрибутам нечистой силы, механическая конечность – человек, чья телесность подменяется функциональностью пропагандистского аппарата. Эти детали создают образ «бесов технократии» – существ, в которых естественное замещено идеологическим.

Их диалоги с Персиковым воспроизводят структуру демонического искушения: под видом прославления науки журналисты вытягивают из него информацию. Булгаков говорит о том, что вмешательство непрофессионалов и дилетантов в науку может обернуться страшной катастрофой. Пример – Рокк, который из-за своей преданности

партии и подучил власть, хотя он музыкант, а не учёный. Дуня говорит: «...ваши яйца дьявольские. Грех машиной выводить. Убить вас хотели» [1]. Однако Рокк проигнорировал все предостережения, за что дорого поплатился: потерял рассудок.

Эволюция безумия профессора Персикова представлена Булгаковым как цепь физиологических и психических трансформаций. Он обращает внимание на то, что в самом начале повести Булгаков пишет о подорванном здоровье Персикова: «Прошла еще неделя, причем Персиков, все более отдаляясь от затихающих куриных вопросов, всецело погрузился в изучение луча. Голова его от бессонных ночей и переутомления стала светла, как бы прозрачна и легка. Красные кольца не сходили теперь с его глаз, и почти всякую ночь Персиков ночевал в институте» [1]. Известия о катастрофе, которые произошли в стране по ошибке Рокка, окончательно разрушают психическое состояние героя. учёного: «Персиков, разноцветный, иссиня-бледный, с сумасшедшими глазами, поднялся с табуретки и, задыхаясь, начал кричать... Профессор сорвал одним взмахом галстук, оборвал пуговицы на сорочке, побагровел страшным параллическим цветом и, шатаясь, с совершенно тупыми стеклянными глазами, ринулся куда-то вон. Вопль разлетелся под каменными сводами института» [2].

Выводы

Смерть профессора Персикова в finale повести – ключевой момент, завершающий тему моральной ответственности учёного. Гибель героя не случайна: она становится символом возмездия за вмешательство в законы природы и игнорирование этических принципов. Персиков погибает от руки толпы, чьё действие описывается как примитивное и жестокое:

«Низкий человек... страшным ударом палки раскроил ему голову». Этот эпизод контрастирует с интеллектуальной деятельностью профессора. Палка, орудие убийства, – антитеза «красному лучу», символу прогресса. Булгаков подчёркивает, что слепая ярость толпы – ответ на слепоту учёного, который не предвидел последствий своих открытий. Насилие здесь – метафора возмездия природы за нарушение её законов. Смерть Персикова перекликается с античными мифами о наказании за дерзость. Например, Икар – сын Дедала и рабыни Навкраты, упавший из-за приближения к солнцу, – аллюзия на учёного, чьи амбиции превысили меру или Прометей, наказанный за дар огня людям, – отсылка к передаче знания, которое обернулось разрушением.

Гибель Персикова происходит на фоне всеобщего хаоса: Москва погружается в «электриче-

скую ночь», а люди, спасаясь от змей, теряют расудок. Это:

- Крах технократической утопии: наука, лишенная этики и гуманизма порождает монстров.

- Символический Судный день: смерть учёного совпадает с гибелью старого мира, где знание стало инструментом самоуничтожения. Персиков –

«агнец» этой апокалиптического хаоса, его смерть знаменует крах иллюзии о всесилии разума и человека. Любая идея, даже самая гениальная может привести к гибели не только отдельных людей, но и целой цивилизаций, если ее целью является жажда власти и наживы.

Список источников

1. Булгаков М.А. Собр. соч.: в 5-ти т. М.: Художественная литература, 1989-1990. 580 с.
2. Булгаков М.А. Собрание сочинений: в 5 т. М.: Художественная литература, 1989. 752 с.
3. Красавченко Т.Н. (ред.) Михаил Булгаков: Современные толкования. К 100-летию со дня рождения 1891-1991. М.: ИНИОН АН СССР, 1991. 243 с.
4. Гёте И.В. *Фауст*. СПб., 2003. 241 с.
5. Химич В.В. В мире Михаила Булгакова. Екатеринбург, 2003. 21 с.
6. Буковский В. Психиатрический ГУЛАГ. М., 2015. URL: <http://h-v-p.narod.ru/gulag.htm> (дата обращения: 16.03.2025)
7. Яновская Л. Записки о Михаиле Булгакове. М.: Текст, 2021. 413 с.
8. Чуричева Л.М. Реальная и фантастическое в повести М.А. Булгакова «Роковые яйца» // Вестник науки. 2023. Т. 4. № 6. С. 15 – 20.
9. Катаев В.П. Остров Эрендорф. М., 2025. URL: <http://modernlib.net/books/kataev> (дата обращения: 30.04.2025).
10. Палей А.Р. Гольфингрем. М., 2025. URL: <https://royallib.com/read/paley> (дата обращения: 29.03.2025)

References

1. Bulgakov M.A. Collected Works: in 5 volumes. Moscow: Fiction, 1989-1990. 580 p.
2. Bulgakov M.A. Collected Works: in 5 volumes. Moscow: Fiction, 1989. 752 p.
3. Krasavchenko T.N. (ed.) Mikhail Bulgakov: Modern Interpretations. On the 100th Anniversary of His Birth 1891-1991. Moscow: INION AN SSSR, 1991. 243 p.
4. Goethe I.V. Faust. SPb., 2003. 241 p.
5. Khimich V.V. In the World of Mikhail Bulgakov. Ekaterinburg, 2003. 21 p.
6. Bukovsky V. Psychiatric GULAG. Moscow, 2015. URL: <http://h-v-p.narod.ru/gulag.htm> (date of access: 16.03.2025)
7. Yanovskaya L. Notes on Mikhail Bulgakov. Moscow: Text, 2021. 413 p.
8. Churyacheva L.M. Real and Fantastic in M.A. Bulgakov's Story "Fatal Eggs". Bulletin of Science. 2023. Vol. 4. No. 6. P. 15 – 20.
9. Kataev V.P. Ehrendorf Island. Moscow, 2025. URL: <http://modernlib.net/books/kataev> (date of access: 30.04.2025).
10. Paley A.R. Golfingrem. M., 2025. URL: <https://royallib.com/read/paley> (date of access: 03.29.2025)

Информация об авторах

Муртазалиева Е.А., кандидат филологических наук, доцент, Дагестанский государственный университет, fiona70@mail.ru

Нурмагомедова Р.О., Дагестанский государственный университет, rabiya_tnurmagomedova_00@bk.ru

© Муртазалиева Е.А., Нурмагомедова Р.О., 2025